

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Смирнов А.А., к.ю.н., докторант

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности СМИ в современном информационном обществе. Обосновывается тезис о необходимости коррекции содержания и способов реализации свободы массовой информации с учетом угрозы информационных войн.

Ключевые слова: средства массовой информации, информационное общество, содержание, способы.

Смирнов О.О. ПИТАННЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ ДІЯЛЬНОСТІ ЗМІ В УМОВАХ ВЕДЕННЯ ІНФОРМАЦІЙНИХ ВІЙН / Всероссийський науково-дослідний інститут МВС Російської Федерації, Росія

У статті розглядаються питання правового регулювання діяльності ЗМІ в сучасному інформаційному суспільстві. Обґрунтовується теза про необхідність корекції змісту і способів реалізації свободи масової інформації з урахуванням загрози інформаційних війн.

Ключові слова: засоби масової інформації, інформаційне суспільство, зміст, способи.

Smirnov A.A. ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE MEDIA IN TERMS OF INFORMATION WARS / All-Russian scientific research institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia

The article examines the legal regulation of media in modern information society. The thesis about the need to adjust the content and methods of media freedom, taking into account the threat of information wars, is substantiated.

Key words: media, information society, content, methods.

Средства массовой информации играют исключительно важную роль в жизни современного информационного общества. Они информируют членов социума об окружающем мире и происходящих в нем событиях, задают повестку наиболее обсуждаемых вопросов, влияют на формирование ценностных и поведенческих установок людей. В политической сфере масс-медиа рассматриваются как один из важнейших институтов демократии, призванный максимально полно и достоверно освещать деятельность различных политических акторов и выступать средством осуществления контроля общества за государственной властью.

В связи с этим во многих конституциях (основных законах) демократических стран провозглашен принцип свободы массовой информации и запрета цензуры. Так, Основной закон Федеративной Республики Германия 1949 г. [1, 114-175] в статье 5 закрепляет право свободно выражать свое мнение устно, письменно и посредством изображений и беспрепятственно черпать знания из общедоступных источников. При этом провозглашается, что свобода печати и информации посредством радио и кино гарантируется, цензуры не существует. Согласно статье 21 Конституции Итальянской Республики 1947 г. [1, 200-236] все имеют право свободно выражать свои мысли устно, письменно и любым иным способом их распространения. Печать не может подлежать разрешению или цензуре. Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки [1, 352-377] зафиксировала положение о том, что Конгресс не должен издавать законов, ограничивающих свободу слова или печати.

Не является исключением из этого правила и действующая Конституция Российской Федерации 1993 г. [2], которая в главе второй в числе основных прав и свобод человека и гражданина устанавливает свободу мысли и слова (ст.29). При этом в части 5 названной статьи Конституции РФ закрепляется свобода массовой информации: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». В данном контексте важно акцентировать внимание на значении понятия свободы массовой информации. Мы разделяем точку зрения А. Рихтера о том, что в Конституции РФ речь идет о свободе массовой информации, а не о свободе средств массовой информации. «Отличие принципиальное и означает, что Конституция гарантирует не свободу действий редакций либо учредителей или владельцев СМИ, а свободу человека искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [3, 18].

Однако, вполне очевидно, что конституционный принцип гарантированности свободы массовой информации связан с деятельностью СМИ. Его содержание более детально раскрывается в ст.1 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой

информации» (в ред. от 09.02.2009 г.) [4], где данная взаимосвязь четко прослеживается: «В Российской Федерации поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими, изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации».

Признавая исключительно важную роль СМИ в реализации политических и иных прав и свобод человека и гражданина, в осуществлении общественного контроля за правительством, необходимо четко понимать, что их мощнейший потенциал воздействия на социум может использоваться и в деструктивных целях. Осознание данного факта заставило законодателей включить в содержание Закона РФ «О средствах массовой информации» статью 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации», в которой закрепляется комплекс правовых запретов на распространение СМИ определенной информации, которое может повлечь наступление общественно опасных последствий. К ней отнесены:

- сведения, составляющие государственную или иную специально охраняемую законом тайну;
- материалы, содержащие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающие терроризм, другие экстремистские материалы;
- материалы, пропагандирующие порнографию, культ насилия и жестокости;
- сведения о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров;
- сведения о специальных средствах, технических приемах и тактике проведения контртеррористической операции, если их распространение может препятствовать проведению контртеррористической операции или поставить под угрозу жизнь и здоровье людей;
- иная информация, распространение которой запрещено федеральными законами.

Также анализируемая статья запрещает использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, а также применение в аудиовизуальных СМИ, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок и иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье. Кроме того, в ней установлен запрет на распространение информации об общественных объединениях или иных организациях, признанных судом экстремистскими, без указания на данный факт.

Таким образом, в Конституции РФ и законодательстве Российской Федерации о средствах массовой информации установлен принцип свободы массовой информации, предусматривающий запрет злоупотребления данной свободой в определенных формах. Последние выражаются в распространении СМИ деструктивной информации либо использовании СМИ в общественно опасных целях. Однако рассмотренные выше нормы никак не касаются вопроса, связанного с ограничениями свободы массовой информации в условиях ведения информационной войны. В настоящей статье будет предпринята попытка выделить некоторые значимые аспекты данной проблемы и наметить пути ее дальнейшей разработки.

Для начала поясним, о чем идет речь. Оставляя за рамками настоящей статьи дискуссии о подходах к определению понятия **информационной войны**, в настоящей статье мы будем исходить из ее трактовки как *противоборства между государствами с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, а также массовой психологической обработки населения с целью дестабилизации общества и государства* [5,

94]. В Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. [6] (утратившей силу в 2008 г.) прямо говорилось о наличии данной угрозы: «Серьезную опасность представляют собой стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснению России с внешнего и внутреннего информационного рынка; разработка рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира...». Данное положение закреплено и в действующей Доктрине информационной безопасности РФ 2000 г. [7].

Прошедшее с 2000 года десятилетие доказало обоснованность выделения информационной войны среди серьезных угроз национальной безопасности. Цветные революции на постсоветском пространстве, враждебные информационные акции против России в западных масс-медиа и, наконец, беспрецедентная информационная кампания во время грузино-осетинского конфликта августа 2008 г. – все это наглядные примеры информационных войн эпохи постмодерна. Среди событий последнего времени необходимо особо отметить революции, прошедшие в начале 2011 года в странах Большого Ближнего Востока и Северной Африки, которые окрестили «твиттерными» из-за исключительно важной роли интернет-технологий, в частности социальных сетей, в механизме развития и управления ходом данных революций [8].

Основной тезис, который мы считаем необходимым заявить и обосновать в связи с вышесказанным, состоит в том, что определение содержания и способов реализации закрепленных нормами Конституции РФ свободы слова и свободы массовой информации должно осуществляться с учетом контекста информационных войн. Связано это с тем, что в условиях информационного общества с характерными для него тенденциями возрастания объемов производства, распространения и потребления информации именно масс-медиа являются основным каналом трансляции информации в общество и, соответственно, ведения информационной войны.

Вполне очевидно, что информационное воздействие в отношении государства – объекта агрессии будет вестись преимущественно через иностранные (глобальные) масс-медиа, которые не подпадают под юрисдикцию данного государства. Поэтому закрепление правовых механизмов защиты от ведения информационных войн через такие масс-медиа возможно преимущественно через международно-правовые механизмы, которые в настоящий момент отсутствуют. В связи с этим возможности государственно-правовой защиты от информационных войн в медиапространстве ограничены в объектном плане национальными СМИ.

Поднимая вопрос о средствах такой защиты, сразу же обозначим неприемлемость предложения об отмене (запрете) свободы массовой информации и введении цензуры как метода правовой защиты от информационных войн, поскольку оно: а) противоречит общепризнанной концепции демократии и прав человека, закрепленной в базовых международно-правовых актах; б) является труднореализуемым и малоэффективным способом обеспечения информационной безопасности в условиях наличия транснациональных информационно-коммуникационных сетей, прежде всего сети Интернет.

Тем не менее, полагаем совершенно необходимым, образно выражаясь, заблокировать некоторые узкие «каналы», имманентно присущие свободе массовой информации и являющиеся составной частью ее нормативного содержания, которые могут использоваться субъектами информационной агрессии для проведения враждебных информационных операций. Здесь требуется подбор очень точного юридического инструментария, позволяющего выполнить данную «ювелирную» работу, не нарушив нормального функционирования процесса конституционного правоупотребления одной из основополагающих политических свобод.

В противном случае, проигнорировав угрозы информационной войны и настаивая на классическом истолковании свободы массовой информации, государство тем самым лишает себя необходимой защиты от применения в отношении него технологий «мягкой силы» (soft power). Против них зачастую неэффективны традиционные методы противодействия, такие как временная блокировка информационных источников, контрпропаганда, опровержение ложных фактов и т.п. «Твиттерные» революции в Северной Африке показали, что даже при отключении властями доступа к Интернету, могут быть найдены альтернативные способы обмена информацией. По свидетельству газеты «The New York Times», когда в Египте «закрыли»

Интернет, Google и Твиттер активно помогли протестующим, создав новый сервис speak2tweet, позволяющий людям оставлять голосовые сообщения, которые затем записывались в файлы на Твиттере в качестве информационных обновлений. Прослушать эти сообщения можно было по выделенным каналам обычной телефонной линии [9].

Принимая во внимание характер самой угрозы, выступающей основанием для ограничения свободы массовой информации, в названии которой используется термин «война», логично предположить, что в данном случае может устанавливаться специальный правовой режим, предполагающий комплекс ограничений основных прав и свобод, по аналогии с режимом военного положения применительно к военной агрессии [10]. Однако проблема состоит в том, что особенностью информационной войны, в отличие от войны «классической», является ее *перманентность*: она не имеет четкого начала и конца, применительно к ней можно говорить лишь о разной степени интенсивности проведения информационных операций [11]. Из этого следует вывод, что особый правовой режим для случаев ведения информационной войны высокой интенсивности («обострения») должен дополняться ограничениями свободы массовой информации в обычных («нормальных») условиях функционирования, в которых протекают информационные конфликты низкой интенсивности.

Определение правовых средств и методов противодействия информационным войнам в медиапространстве необходимо производить с учетом чрезвычайного разнообразия самих способов проведения деструктивного информационного воздействия, описанных в специальной литературе [12]. В этой связи автор настоящей статьи призывает заинтересованных специалистов включиться в разработку данной чрезвычайно актуальной научной проблемы. Тем более, что значимый научный задел в данной сфере был сделан в 1990-е годы в рамках разработки проекта Федерального закона «Об информационно-психологической безопасности»¹.

Учитывая междисциплинарный характер объекта исследования, в этой сфере требуется объединение усилий юристов со специалистами в сфере психологии, психиатрии, медицины, социологии, лингвистики, журналистики, а также военных, математических и технических наук. Чрезвычайно полезным может быть опыт зарубежных государств в данной сфере, изучение и выработка предложений по использованию которого является важной исследовательской задачей. Что касается предметной области науки юриспруденции, в рамках которой целесообразно аккумулировать подобные исследования, то, на наш взгляд, ею должна стать формирующаяся и активно развивающаяся наука информационного права, входящая в состав научной специальности 12.00.14 – административное право, финансовое право, информационное право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основной закон Федеративной Республики Германия // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 624 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
3. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики: учебник / А.Г. Рихтер. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ВК, 2009. – 456 с.
4. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. – 1992. – 8 февр.
5. Термины и определения в области информационной безопасности / [Комов С., Ракитин В., Радионов С., Рябцунов П. и др.]. – М.: Издательство АС-Траст, 2009. – 304 с.
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300, в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170 (утратила силу).

¹ Пояснительная записка к Федеральному закону «Об информационно-психологической безопасности» // СПС «Гарант».

7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) // Российская газета. – 2000. – 28 сент.
8. Овчинский В. Мистерии арабских взрывов... // Завтра, 2011. – № 9; Тукманов Д. Твиттерреволюции // Завтра, 2011. – № 16, Печуров С. Арабский Восток: технология управляемого хаоса в действии // Независимое военное обозрение. – 2011. – 25 марта.
9. Престон Дж. Руководство Facebook хранит молчание насчет своей роли в восстаниях / Дж. Престон («The New York Times», США) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20110218/166632435.html>.
10. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 28.12.2010 г.) // Российская газета. – 2002. – 2 февр.
11. Дугин А. Сетецентричные войны / А. Дугин // Евразия: информационно-аналитический портал / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2893>.
12. Методы и технологии информационных войн / Бухарин С.Н., Цыганов В.В. – М.: Академический проект, 2007; Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным. Сводная аналитическая группа Центра Кургиняна об угрозах суверенитету России. – М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2007; Расторгуев С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003; Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание / В.Ф. Прокофьев. – М.: СИНТЕГ, 2003; Почепцов Г.Г. Психологические войны / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2002; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2004; Пугачев В.П. Управление свободой / В.П. Пугачев. – М.: КомКнига, 2005; Грачев Г.В. Манипулирование личностью / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: Эксмо, 2003.

УДК 351.865: [336: 323.285]

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Старцев Г.В., к.экон.н, консультант

Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации

В статье автор анализирует современные составляющие механизма противодействия финансированию терроризма в мире.

Ключевые слова: терроризм, деньги, капитал, финансирование.

Старцев Г.В. ОРГАНІЗАЦІЙНІ АСПЕКТИ ВДОСКОНАЛЕННЯ ПРОТИДІЇ ФІНАНСУВАННЮ ТЕРРОРИЗМУ / Апарат Ради Безпеки Російської Федерації, Росія

У статті автор аналізує сучасні складові механізми протидії фінансуванню тероризму у світі.

Ключові слова: тероризм, кошти, капітал, фінансування.

Startsev G.V. ORGANIZATIONAL ASPECTS OF IMPROVING OF THE SYSTEM AGAINST TERRORIST FINANCING / Apparat of the Security Council of the Russian Federation, Russia

The article examines the components of modern mechanism for combating financing of terrorism in the world.

Key words: terrorism, money, capital financing.

К настоящему времени мировому сообществу в результате мер, принятых по линии ООН, ФАТФ, МВФ и Всемирного банка, удалось достичь определенного прогресса в сфере противодействия финансированию терроризма. Практически повсеместное ужесточение контроля со стороны спецслужб и правоохранительных органов существенно затруднило использование террористами официальных банковских каналов для накопления, перевода и расходования денежных средств на свои цели. Начали приносить определенные результаты